

УДК 343.13

Т. Н. Долгих

**ДЕФЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИЕЙ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.11.2025 г.

Принята к публикации 14.12.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-1

5

Для цитирования: Долгих Т.Н. Дефекты Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обусловленные цифровой трансформацией уголовного процесса // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №1. С. 5—19. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-1.

Рассмотрено текущее состояние цифровизации уголовного процесса, предпринята попытка оценить перспективы ее дальнейшего развития в условиях применения цифровых технологий, искусственного интеллекта. Проанализированы конкретные предложения по реформированию уголовно-процессуального закона, спрогнозирован риск появления дефектов, обусловленных цифровизацией уголовного процесса. Автор приходит к выводу о необходимости уже на стадии подготовки проекта закона использовать специальные обучающиеся программы, способные спрогнозировать точность встраивания новых норм в тело уголовно-процессуального закона и появление возможных дефектов. На основе анализа имеющихся мнений о цифровизации уголовного процесса, автор в контексте системного подхода поддерживает идеи формирования электронного уголовного дела, определения места электронных доказательств, необходимости ведения только аудиозаписи судебного заседания без дублирования протокола на бумажном носителе, внедрения технологии дополненной реальности. Предложены соответствующие изменения в УПК РФ. Автор обращает внимание на необходимость трансформации органов предварительного расследования и различных органов государственной власти для электронного взаимодействия посредством единой цифровой платформы. Вопросы пробелов в праве всегда были предметом активных дискуссий как среди ученых, так и практиков. Цели настоящего исследования состоят в выявлении дефектов уголовно-процессуального закона, обусловленных цифровизацией уголовного процесса, и тенденции цифровизации уголовно-процессуальных отношений, а также в формулировании путей и способов предотвращения появления различного рода дефектов уголовно-процессуального закона, в том числе на стадии разработки соответствующих законопроектов. Помимо общенаучных методов исследования, таких как метод теоретического познания, метод анализа и синтеза, в исследовании применялись сравнительно-правовой и формально-юридический методы, а также приемы диалектической логики. Несмотря на то что на сегодняшний момент фундаментальные подходы и основные идеи и представления в этой области знаний сфор-

мультированы, современные реалии, связанные с активным внедрением в право информационных технологий и элементов искусственного интеллекта, получают новое преломление с учетом особенностей процесса системной интеграции информационных и коммуникативных технологий в различные сферы законодательства, вследствие чего требуют своевременного переосмысления.

Ключевые слова: электронное уголовное дело, дефект закона, искусственный интеллект, электронное доказательство, технология дополненной реальности

Текущее состояние цифровизации уголовного процесса

6

Говоря о трансформации права в условиях развития цифровизации, как правило, имеют в виду процесс, направленный на преобразование той или иной сферы жизнедеятельности посредством внедрения в нее цифровых технологий и инновационных технологических решений [11, с. 140 – 141].

Не является исключением и уголовно-процессуальное законодательство, в которое также активно внедряются информационно-коммуникативные технологии, избавляя суд от механического труда, а стороны – от необходимости преодолевать неблизкие расстояния для непосредственного участия в судебном заседании.

Согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационными технологиями признаны процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

Статья 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), содержащая основные понятия, используемые в УПК РФ, не дает информационным технологиям определения. Вместе с тем в уголовном судопроизводстве предусмотрено использование систем видео-конференц-связи, являющейся программно-техническим средством передачи аудио- и видеoinформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами и способом проведения процессуальных действий [16].

Верховный суд РФ понятие «видео-конференц-связь» сформулировал следующим образом: это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия трех и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеoinформацией в реальном времени, с учетом передачи управляющих данных в основном по гарантированным каналам связи [2].

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были введены нормы, позволяющие использовать системы видео-конференц-связи на досудебных стадиях. Так, ст. 189.1 УПК РФ закрепила особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи на досудебных стадиях процесса.

Возможно и дальнейшее расширение перечня следственных действий, проведение которых предполагает использование видео-конференц-связи или иных информационных средств удаленного получения информации, в том числе беспилотных летательных аппаратов, оснащенных средствами фото- и видеофиксации.

Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. №610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» введена ст. 241.1 УПК РФ о возможности участия подсудимого, а также иных лиц, вызванных в суд, в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи. Этим же законом УПК РФ обогащен положениями о возможности направления повестки или уведомления в электронном виде посредством Единого портала лицу, давшему на это свое согласие (ч. 6 ст. 474.1 УПК РФ).

Федеральным законом от 25 декабря 2023 г. №672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ст. 222 УПК РФ дополнена ч. 3.1 о возможности вручения сторонам копии обвинительного заключения в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, для изучения которого обвиняемый, содержащийся под стражей, будет использовать предоставленное органом предварительного расследования техническое устройство для чтения электронных книг, не имеющее функций аудио- и видеозаписи, видеовоспроизведения и выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Копия обвинительного заключения в форме электронного документа вручается по ходатайству, в том числе потерпевшего. Вместе с тем ст. 42 УПК РФ не предполагает такого права потерпевшего, и на следователя не возложена обязанность разъяснять потерпевшему право на заявление такого ходатайства.

Этим же федеральным законом в ст. 474.2 УПК РФ определен порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства.

Перспективы цифровизации уголовного процесса и проблема возникновения дефектов закона

Таким образом, можно констатировать, что цифровая трансформация уголовного процесса уже началась. Однако указанных шагов явно недостаточно для удовлетворения потребности обеспечения доступа к правосудию и защиты прав участников уголовного судопроизводства посредством применения современных технических средств, с одной стороны, и соблюдения тайны предварительного расследования – с другой.

Такая неполнота законодательного регулирования породила предложения о введении в УПК РФ положений, позволяющих стороне отказаться от дистанционного участия в следственном действии [5, с. 19], обсуждаются вопросы внедрения интернет-технологий в уголовный процесс, возможности его виртуализации, использования интернет-доказательств, подачи заявления о преступлении онлайн [7, с. 283].

Обращается внимание на необходимость вести речь о закреплении в системе руководящих идей уголовного процесса положения, регламентирующего надлежащий уголовно-процессуальный режим обращения информации и способного распространить свое действие на все стадии судопроизводства, а также на необходимость введения «в систему принципов процесса самостоятельной идеи о защите информации, образующейся в уголовном судопроизводстве, что позволит установить унифицированный правовой режим обращения с данными уголовно-процессуальной деятельности, имеющими процессуальное значение, и заложить основу для формирования новой высокотехнологичной цифровой модели судопроизводства» [1, с. 455].

Полагаем обоснованным существование широкой палитры мнений по обсуждаемой проблематике, однако считаем необходимым обратить особое внимание на то, что должна сложиться гармоничная система, состоящая из комплексных и продуманных изменений уголовно-процессуального закона, подчиненных единой концепции интеграции новых технологий, которая призвана решить стратегические задачи информатизации. При этом нельзя забывать о многовекторности подхода, охватывающего необходимость изменения смежного законодательства, ведомственных предписаний и инструкций без последствий в виде возложения на сотрудников аппарата суда и судей дополнительных обязанностей, связанных, в частности, с необходимостью дублирования электронной информации на бумажных носителях.

П. С. Пастухов полагал, что «введение легальной дефиниции электронного доказательства, электронных данных позволит соединить форму цифровой информации с уголовно-процессуальной формой фиксации доказательств. Сочетание цифровой и уголовно-процессуальных форм необходимо для сокращения процессуальных и материальных затрат, связанных с устаревшим архаичным способом фиксации доказательственной информации в письменных протоколах следственных действий» [18, с. 139].

Согласно стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. должны быть созданы условия для эффективного взаимодействия государства, организаций, в том числе научных, и граждан в сфере развития искусственного интеллекта, а также сформирована комплексная система нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, обеспечением безопасности применения таких технологий [15].

Цифровизация, рассматриваемая в качестве четвертой промышленной революции, уже начинает оказывать значимое влияние на развитие права, что требует правового осмысления процессов, назревающих в текущей реальности, в целях избежания запоздалой реакции на них с точки зрения необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Такие изменения должны минимизировать возникновение дефектов в уголовно-процессуальном законе, в том числе имеющегося в нем пробела.

Достаточно широко тему пробелов в праве, их субъективных и объективных особенностей исследовал В.В. Лазарев, сформулировавший понятие пробелов в праве, используемое до настоящего времени: «полное или частичное (неполнота) отсутствие норм, необходимость которых обусловлена развитием общественных отношений и потребностями практического решения дел» [12, с. 51].

Нарастающие темпы развития отношений, в том числе в уголовно-процессуальной сфере, неизбежно обуславливают возникновение пробелов регулирования, поскольку возникают новые отношения и формы, которые до настоящего момента не урегулированы в УПК РФ. Развитие и законодательное закрепление порядка существования таких форм должно быть неразрывно связано с модернизацией систем компьютерной безопасности, защиты электронной информации.

Кроме того, как справедливо отмечает Д.А. Пашенцев, «цифровизация общественной жизни неизбежно меняет стереотипы массового поведения, которое, в свою очередь, выступает одним из этапов и условий конструирования правовой реальности. Цифровизация неминуемо смещает акцент с традиционности на инноватику, повышает степень инновационности действий в правовой сфере» [19, с. 35]. Т.Я. Хабриева, в свою очередь, прогнозирует появление новой нормативной системы, «которая займет свое место в системе социальных норм наряду с правом, моралью, религией» [22, с. 15].

Способы выявления, устранения, преодоления пробелов, как правило, связывают с формулированием правовых инструментов, направленных на разрешение проблем, возникающих при правоприменении [17, с. 9]. Однако осознание неизбежности трансформации уголовного процесса должно подвигнуть к изменению в концептуальном понимании форм и видов трансформации, что наряду с прочими мерами будет способствовать профилактике возникновения пробелов в уголовно-процессуальном законе. В рамках разработки такой концепции стоит обсудить вопрос о границах использования неюридических методов решения проблемы пробелов, а также закрепить положение о том, что информатизации предназначено играть исключительно вспомогательную роль, быть эффективным, но все же прикладным инструментом в руках субъекта уголовно-процессуальных отношений, за которым всегда будет оставаться право принятия решений.

Как отмечает П.В. Степанов, «потенциал права как регулятора, оказывающего мощное воздействие на происходящие в обществе процессы, позволяет в качестве одной из первоочередных задач в условиях цифровизации выделять превентивное (опережающее) правотворчество, рассчитанное прежде всего на своевременное и эффективное реагирование на динамично изменяющиеся общественные отношения» [21, с. 27]. Однако при формировании нового массива законодательства, призванного регулировать правоотношения, возникающие на фоне информатизации многих происходящих в обществе процессов, большое значение необходимо придавать качеству принимаемых нормативных актов, вносящих изменения в УПК РФ.

Недопущению дефектов уголовно-процессуального закона, в том числе в виде пробелов, будет способствовать введение элементов искусственного интеллекта, способного к анализу большого массива уголовно-процессуальных норм и логических взаимосвязей, выстраиваемых не только между участниками уголовного судопроизводства, но и между отдельными уголовно-процессуальными институтами. Кроме того, искусственный интеллект должен научиться понимать специфику диагностики текста проекта закона о внесении изменений в УПК РФ или в смежное законодательство через призму оценки и прогнозирования качества встраивания новых норм в уже существующее тело уголовно-процессуального закона. Он также должен понимать риск нарушения системных связей, появления возможностей для потенциального возникновения пробелов, коллизий и других дефектов УПК РФ после вступления в законную силу таких изменений, иметь возможности выявить и просчитать последствия от принятых решений. Для этого потребуется принятие соответствующих программ-концепций, создание базы, объединяющей уголовно-процессуальное и смежное законодательство, а также соответствующие законопроекты по их изменению. Более того, представляется целесообразным предоставление искусственному интеллекту возможности формулировать предложения, направленные на устранение содержащихся в проекте федерального закона дефектов, способных усложнить применение УПК РФ и несущих риски снижения качества уголовно-процессуальной нормы. Применение такого подхода будет способно умерить правотворческий активизм в пользу качества принимаемых норм. В данном контексте стоит упомянуть о том, что только в 2024 г. в УПК РФ были внесены изменения семнадцатью федеральными законами, в феврале 2025 г. также были внесены изменения в УПК РФ еще одним федеральным законом.

Шаги в данном направлении сделаны – президентом РФ принято распоряжение от 1 июля 2022 г. №202-рп «О межведомственной рабочей группе по разработке проекта государственной программы по систематизации правовых актов органов публичной власти всех уровней». Представляется необходимым в проекте этой программы предусмотреть возможность участия искусственного интеллекта в анализе принимаемого законодательства для устранения возможных дефектов уголовно-процессуального закона.

Кроме того, правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности утверждена 15 сентября 2021 г. «Концепция развития технологий машиночитаемого права» [10]. Предполагается, что технологии машиночитаемого права как один из эффективных способов непротиворечивого изложения правовых норм в той или иной степени будут применяться во всех отраслях законодательства Российской Федерации, что обеспечит «встраивание» норм права в работу информационных систем, предоставляющих различные сервисы в автоматическом режиме, а также обменивающихся данными без участия человека.

Кроме того, в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Минэкономразвития России велась работа по созданию Федеральной государственной информационной системы «Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений», которая способна решить задачи оптимизации процесса разработки, согласования и утверждения проектов нормативных правовых актов, позволит различным органам власти вести совместную работу над проектами нормативных правовых актов, а также сформирует технологическую основу и необходимую базу данных для последующего развития машиночитаемого права [14].

Несмотря на то что, как следует из паспорта национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», программа была рассчитана на срок до 2024 г., представляется, что работы по интеграции искусственного интеллекта в нормотворческий процесс предстоит еще немало. Как следует из постановления Правительства РФ от 11 сентября 2024 г. № 1230 «Об утверждении Положения о государственной информационной системе “Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса”», с 1 октября 2024 г. в Российской Федерации стартовала государственная информационная система «Национальная единая среда взаимодействия участников нормотворческого процесса» (ГИС «Нормотворчество»).

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что для работы искусственного интеллекта нуждаются во внедрении более четкие требования к структуре и содержанию нормативного акта, чистоте юридической техники. Искусственный интеллект не должен превращаться в субъекта генерирования уголовно-процессуальных норм, он может быть лишь помощником для законодателя в системном анализе и логической выверке текстов проектов федеральных законов при условии сохранения контроля человека над законотворческими процессами, запрета принятия искусственным интеллектом самостоятельных решений, а также симбиоза с традиционными способами и методиками совершенствования текста проекта уголовно-процессуального закона.

Еще в 1912 г. Г.Ф. Шершеневич писал, что «догматическое знание права дает также возможность видеть все технические пробелы, противоречия в законах, хотя бы они еще и не ощущались в действительности. Второй момент в критическом методе есть определение того идеала, к которому право должно приспособляться и применительно к которому должен перестраиваться государственный и правовой порядок» [25, с. 801].

Обучаемые нейросети также могут стать помощниками в выборе и анализе норм, имеющих потенцию к дефектности. Вопрос о том, будет это сделано на основе анализа определенных слов маркеров или иных приемов, например путем использования решений Конституционного суда РФ, выявившего дефект нормы, носит исключительно технический характер, в то время как вопрос о том, что результаты работы таких

помощников должны быть предметом анализа со стороны человека — профессионала-юриста, носит принципиальный характер. Нейросети могут быть использованы для анализа большого числа судебных решений разного уровня, в которых применено толкование уголовно-процессуальных норм, вызвавших затруднения в применении, для комплексного анализа и систематизации способов, использованных судами для преодоления пробела.

Именно человек должен будет отделить истинный пробел в законе от квалифицированного молчания законодателя, сознательно расширившего границы усмотрения для правоприменителя. В этом контексте Н. А. Власенко резонно указывал, что «в ряде случаев неопределенность в праве служит для того, чтобы оставить возможность усмотрения правоприменителя для создания регулятивной прочности, гибкости и эластичности правового регулирования» [3, с. 98 – 99].

Как справедливо замечал М. В. Залоило, «для обеспечения эффективности правотворчества важное значение имеет использование инструментов стратегического планирования» [6, с. 45]. Искусственный интеллект проникает во все сферы функционирования современного общества и является неотъемлемой частью цифровой среды. Вместе с тем нельзя отрицать перспективу его проникновения в правовую среду, которая должна быть готова к такой экспансии. Чем более приспособленным окажется уголовно-процессуальное законодательство к неизбежности такого взаимодействия, тем более гибкими будут становиться некоторые его формы, связанные с возможностью использования в уголовном процессе достижений цифровых технологий, результатов информационных достижений. С другой стороны, неизменными должны оставаться принципы и назначение уголовного судопроизводства, даже если потребуются сформулировать новые, более эффективные способы защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Большой риск возникновения дефектов возникает там, где появляется необходимость регулирования отношений, объектом которых является информация, содержащаяся в специальных источниках, сформированных, в частности, при помощи компьютерных средств, современных информационных технологий. Обнаружение, фиксация, изъятие такой информации требует использования новых прикладных инструментов.

Особо следует сказать о необходимости регулирования процессов, связанных с существованием доказательств, полученных при помощи информационных технологий, компьютерных средств, а также о целесообразности введения в УПК РФ понятия «электронное доказательство», определении способов и приемов формирования электронного уголовного дела, законодательном закреплении создания и функционирования специальных электронных платформ, призванных обеспечить доступ сторон к такому уголовному делу.

С. В. Зуев и А. С. Титова полагают, что «оперирование электронной (цифровой) информацией не вписывается в традиционную систему следственных действий» [8, с. 52]. Вместе с тем необходимо принципи-

ально решить, какое место предстоит занять таким доказательствам. Будут они разновидностью вещественных доказательств, относиться к категории, обозначенной в п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ (иные документы), или им будет определено собственное место в системе доказательств, структурированной в ст. 74 УПК РФ.

Вопросы формирования электронного уголовного дела обнажат дефекты в уголовно-процессуальных нормах, регулирующих подписание следователем, дознавателем протоколов следственных и процессуальных действий. Проблема будет состоять в том, что электронное уголовное дело должно не формироваться путем сканирования письменных материалов уголовного дела, а состоять именно из электронных документов (не из их электронных образов). В противном случае информация, содержащаяся в таких неэлектронных документах, будет недоступна для анализа электронными системами с элементами искусственного интеллекта. Между тем такая система могла бы, например, проверить правильность исчисления сроков дознания или предварительного следствия, содержания под стражей, давности привлечения к уголовной ответственности, соблюдение следователем положений ст. 29 УПК РФ, а также выявить доказательства, полученные с нарушением УПК РФ, сформировать список возможных смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т. д.

Таким образом, все документы, содержащиеся в уголовном деле, должны иметь форму электронного документа и формировать собою электронное уголовное дело, а УПК РФ — содержать нормы о возможности подписания следователем и иными участниками уголовного судопроизводства протоколов электронной подписью.

В такой ситуации цифровая трансформация должна затронуть не только уголовный процесс и судебное делопроизводство, но и деятельность органов предварительного расследования, иных органов, например уполномоченных на составление протокола об административном правонарушении. Такой административный материал, составленный в форме электронных документов, мог бы быть в таком виде приобщен к уголовному делу, возбужденному по составу преступления, содержащему административную преюдицию, в то время как сейчас следователем для приобщения к уголовному делу копия такого материала изымается посредством проведения выемки.

При этом просто технический переход к ведению электронного уголовного дела, даже в условиях отсутствия его дублирования на бумажном носителе, в отсутствие иных вышеуказанных комплексных изменений УПК РФ, включая настроенное взаимодействие электронных платформ судов разного уровня и различных ведомств посредством возможности направления электронных документов, не приведет к качественной цифровизации уголовного процесса, а будет представлять собой лишь «оцифровывание» документов, содержащихся на бумажном носителе. Как справедливо замечает О.В. Химичева, «все нововведения, какими [бы] привлекательными с позиций упрощения и уско-

рения процессуальных процедур они ни были, требуют тщательной проработки с целью недопущения необоснованного, чрезмерного ограничения прав и законных интересов граждан и юридических лиц» [23, с. 171].

Однако в настоящее время цифровизация уголовного процесса находится в зачаточном состоянии и сводится фактически к внедрению некоторых элементов цифровизации, что исключает пока применение любых обучающихся нейросетей или иных программ с элементами искусственного интеллекта. Уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено применение систем искусственного интеллекта, нет и достаточного электронного документооборота. Как было отмечено выше, ст. 5 УПК РФ не содержит соответствующего понятийного аппарата. Изложенное позволяет высказывать скептические мнения о возможности использования технологий искусственного интеллекта в российском уголовно-процессуальном пространстве [4; 13].

Для формирования электронного уголовного дела в УПК РФ потребуется внести следующие изменения: все выносимые судом постановления должны иметь форму электронного документа с проставлением усиленной квалифицированной электронной подписи; этот документ должен быть в форме, доступной для прочтения и обработки информации специальной программой, которой оснащены, в частности, государственные органы и органы местного самоуправления. Изменения УПК РФ должны и касаться исполнения судебных решений, и содержать положения о том, что определения, постановления, приговоры следует направлять в соответствующие органы на исполнение в форме электронных машиночитаемых документов.

Такая норма применительно к исполнительному листу в УПК РФ уже имеется. Положения ч. 2 ст. 393 УПК РФ содержат положения о том, что исполнительный лист вместе с копиями приговора, определения, постановления суда может направляться судом для исполнения в органы принудительного исполнения РФ в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью.

В соответствии с УПК РФ стороны вправе представить непосредственно суду как первой, так и апелляционной инстанции доказательства, не представленные ими следователю или дознавателю. В целях формирования электронного уголовного дела в УПК РФ можно внести норму о необходимости предоставления документов в электронном виде, а в случае невозможности сделать это — заблаговременно до судебного заседания, чтобы суд имел возможность перевести представляемые документы в электронный вид. При участии лица в судебном заседании удаленно, посредством видео-конференц-связи исследование электронных документов будет происходить быстрее — путем транслирования такого документа на экран монитора удаленного участника и непосредственного ознакомления сторон с доказательством без отложения судебного заседания.

УПК РФ может быть дополнен нормой об обязанности органа предварительного расследования представлять суду уголовное дело в электронном виде посредством использования специальной электронной платформы.

Материалы электронного уголовного дела в кратчайшие сроки могли бы передаваться для рассмотрения в вышестоящую судебную инстанцию, исключая длительную и дорогостоящую пересылку почтой.

Ведение протоколирования судебного заседания с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование) в условиях цифровизации уголовного процесса провоцирует дискуссию о необходимости ведения письменного протокола судебного заседания секретарем. Высказывается предложение в порядке альтернативы формировать соответствующую стенограмму хода заседания специальной программой после обработки аудиозаписи в автоматическом режиме и помещать эту стенограмму в материалы электронного уголовного дела без участия человека, но с предоставлением возможности ознакомления с такой стенограммой и аудиозаписью сторон путем авторизации на специальной платформе, являющейся одновременно и местом хранения такого электронного дела.

Следующим шагом в этом направлении могла бы стать норма в УПК РФ о том, что отсутствие аудиопротокола судебного заседания порождает основания для отмены судебного решения, поскольку он является основным средством фиксации хода и результатов судебного заседания. Безусловно, такое решение должно идти в тандеме с совершенствованием систем аудиозаписи.

Аналогичные вопросы возникают при обсуждении необходимости ведения различных документов (учетов, журналов) на бумажных носителях, что потребует изменения положений, закрепленных в приказах Судебного департамента при Верховном суде РФ от 29 апреля 2003 г. №36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде», от 15 декабря 2004 г. №161 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» и ориентированных на бумажное, а не электронное делопроизводство.

Некоторыми авторами высказываются предложения о возможности использования в уголовном судопроизводстве технологии дополненной реальности [24]. О. А. Славин и Е. С. Гринь отмечают, что «виртуальная и дополненная реальность являются элементами модели гибридной реальности... В этой модели объекты реального и виртуального миров взаимодействуют между собой в реальном времени. Гибридная реальность подразделяется на полную реальность (реальный мир), виртуальную реальность, дополненную реальность и дополненную виртуальность» [20, с. 42]. Следовательно, собирающий доказательственную базу по уголовному делу, прокурор, проверяющий уголовное дело и подписывающий обвинительное заключение, стороны по делу,

присяжные заседатели, используя специальные устройства (не только планшеты, на экране которых смоделированы те или иные ситуации по делу, но и шлемы виртуальной реальности), смогут получить более полную информацию об имеющихся в материалах уголовного дела доказательствах.

Подобной терминологией и способами реализации дополненной реальности при производстве по уголовному делу также предстоит обогатить УПК РФ.

Возможно следует ввести в УПК РФ новую фигуру – лицо, допущенное к материалам уголовного дела и создающее дополненную реальность, обремененное сохранением тайны предварительного расследования. Обязательно участие специалиста при проведении следственных действий для их корректной и полной цифровой фиксации и приобщения такой электронной информации к протоколу следственного действия.

Приведенные примеры цифровизации уголовного процесса не должны ставить под сомнение нравственные начала некоторых норм.

Предполагаем, что в ходе цифровизации уголовного процесса значимым трансформациям может быть подвергнута область доказывания в уголовном процессе. Вместе с тем следует помнить сформулированный законодателем способ оценки доказательств – по внутреннему убеждению судьи. И. А. Исаев справедливо отмечал, что «человеческое начало проникает в сферу законодательства через посредство мастерства истолкования» [9, с. 23].

Заключение

Внесенных на сегодня изменений в УПК РФ явно недостаточно для обеспечения участникам уголовного судопроизводства доступа к правосудию. Требуется более широкое применение достижений цифровизации, включая виртуализацию уголовного процесса, посредством, в частности, технологии дополненной реальности, обучающихся нейросетей, искусственного интеллекта.

Однако такое развитие уголовного процесса необходимо осуществлять продуманно и последовательно, начиная с формулирования понятий, связанных с информатизацией процесса, включения их в ст. 5 УПК РФ, разработки теории электронных доказательств, поиска технических решений для создания универсальной единой платформы, объединяющей все органы государственной власти, способные на ней взаимодействовать посредством электронного документооборота, который формировал бы уголовное дело, доступное для ознакомления сторонам, в том числе с размещением аудиозаписи судебного заседания и отказом от дублирования документов на бумажных носителях. В трансформации нуждаются также смежное законодательство, соответствующие инструкции и ведомственные приказы.

При этом искусственный интеллект должен оставаться на второстепенных позициях, играть исключительно вспомогательную, консультатив-

тивную роль, не обладая правосубъектностью, а возможность непосредственного применения уголовно-процессуальной нормы и принятия в связи с этим соответствующего решения должна оставаться за субъектами, ведущими производство по уголовному делу.

Список литературы

1. Борисов А.С. Совершенствование уголовно-процессуального режима обращения информации в досудебном производстве в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. №3. С. 448–470.

2. Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации : информация Верховного Суда РФ от 24.04.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2015.

4. Власов П.Е. Дискуссионные направления цифровизации уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2024. №9. С. 20–24.

5. Власов П.Е. Приоритетные направления цифровой трансформации уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2023. №6. С. 15–19.

6. Залюило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. №4. С. 43–53.

7. Зуев С.В., Масленникова Л.Н. Высокотехнологичный уголовный процесс. М., 2023.

8. Зуев С.В., Титова А.С. Слабые стороны информационного подхода в свете цифровизации уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. №1 (20). С. 49–54.

9. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М., 2015.

10. Концепция развития технологий машиночитаемого права. URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-razvitiya-tekhnologii-mashinochitaemogo-prava-utv-ravitelstvennoi-komissiei-po/> (дата обращения: 10.04.2025).

11. Корнева А.В. Система права и система законодательства: современное состояние и перспективы развития в цифровую эпоху. М., 2019.

12. Лазарев В.В. Понятие пробелов в праве // Избр. труды : в 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 41–51.

13. Левченко И.А. Концептуальные идеи процессуальной деятельности следователя в условиях внедрения цифровых технологий // Российский следователь. 2023. №2. С. 14–17.

14. Нормативное регулирование цифровой среды: паспорт федерального проекта. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/08f25bcd101aecc2ad6142099117dccd/pasport_fp_normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

15. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : указ Президента РФ от 10.10.2019 г. №490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний : приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. №401 // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. №3.

17. Обвинникова Н.О. Пробелы в уголовно-процессуальном праве и способы их устранения и преодоления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017.

18. Пастухов П. С. Новые подходы к информационному обеспечению уголовно-процессуальной деятельности // Государственное и муниципальное управление в России: состояние, проблемы и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Пермь, 17 ноября 2022 го. / отв. за вып. С. А. Котова. Пермь, 2022. С. 139–145.

19. Пашенцев Д. А. Пробелы в праве в эпоху цифровизации // Пробелы в праве в условиях цифровизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2022. С. 32–38.

20. Славин О. А., Гринь Е. С. Обзор технологий виртуальной и дополненной реальности // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2019. Т. 69, №3. С. 42–54.

21. Степанов П. В. Культура правотворчества в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2024. Т. 28, №10. С. 17–31.

22. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. №9. С. 5–15.

23. Химичева О. В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. 2023. №2. С. 170–174.

24. Чурикова А. Ю. Технология дополненной реальности в уголовном судопроизводстве // Законность. 2024. №9. С. 50–56.

25. Шершеневич Г. Ф. Философия права. М., 1912. Т. 1, вып. 4.

Об авторе

Татьяна Николаевна Долгих – судья Калининградского областного суда, канд. юрид. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: boldinavn@mail.ru

T. N. Dolgikh

DEFECTS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION CAUSED BY THE DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIMINAL PROCEDURE

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 6 November 2025

Accepted 14 December 2025

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-1

To cite this article: Dolgikh T. N. 2026, Defects of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation caused by the digital transformation of criminal procedure, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 5–19. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-1-1.

The current state of the digitalization of criminal procedure is examined, and an attempt is made to assess the prospects for its further development in the context of the use of digital technologies and artificial intelligence. Specific proposals for reforming criminal procedure legislation are analyzed, and the risk of the emergence of defects caused by the digitalization of criminal procedure is forecast. The author comes to the conclusion that, already at the stage of preparing a draft law, it is necessary to use special training programs capable of predicting the accuracy of embedding new provisions into the body of criminal procedure legislation and

the emergence of possible defects. Based on an analysis of existing opinions on the digitalization of criminal procedure, the author, within the framework of a systemic approach, supports the ideas of forming an electronic criminal case, determining the place of electronic evidence, the need to maintain only an audio recording of court hearings without duplicating the record on paper, and the introduction of augmented reality technology. Relevant amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed. The author draws attention to the need to transform preliminary investigation bodies and various public authorities in order to ensure electronic interaction via a unified digital platform. Issues of gaps in law have always been the subject of active discussion among both scholars and practitioners. The objectives of this study are to identify defects in criminal procedure legislation caused by the digitalization of criminal procedure and trends in the digitalization of criminal procedural relations, as well as to formulate ways and means of preventing the emergence of various types of defects in criminal procedure legislation, including at the stage of drafting relevant bills. In addition to general scientific research methods, such as the method of theoretical cognition and the method of analysis and synthesis, the study employed comparative legal and formal legal methods, as well as techniques of dialectical logic. Despite the fact that, at present, fundamental approaches and basic ideas and concepts in this field of knowledge have been formulated, modern realities associated with the active introduction of information technologies and elements of artificial intelligence into law receive a new interpretation, taking into account the specifics of the process of systemic integration of information and communication technologies into various areas of legislation, and therefore require timely reconsideration.

Keywords: electronic criminal case, legal defect, artificial intelligence, electronic evidence, and augmented reality technology

The author

Dr Tatyana N. Dolgikh, Judge of the Kaliningrad Regional Court, Associate Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: boldinavn@mail.ru